

Радиопрограммы / Человек имеет право Защита прав заключенных

Лев Пономарев
09.10.2010 13:00

Марьяна Торочешникова: Сегодняшнюю программу начинаю сразу с представления гостей. В студии Радио Свобода – соучредитель Фонда в защиту прав заключенных Лев Пономарев, сотрудник этого фонда Валентин Богдан и бывший заключенный исправительной колонии номер 6 Павел Фролов. На телефонной связи с нами – еще один недавний заключенный этой колонии Виктор Дзусов, он освобожден только 31 августа этого года и сейчас находится в больнице после освобождения.

Думаю, что по составу гостей уже понятно, что речь сегодня в программе пойдет о защите прав заключенных, и особенно хочется рассказать о той ситуации, которая складывается сейчас в некоторых колониях Кировской области. Собственно, эту программу я анонсировала, но поскольку Лев Александрович тогда сам оказался в кутузке с административным арестом, он не смог прийти. Зато больше материала накопилось уже к этому времени. Как передают люди,

побывавшие в этой колонии, их родственники, там происходят действительно какие-то чрезвычайно страшные вещи. Реакции представителей Федеральной службы исполнения наказаний, к сожалению, пока мне добиться не удалось. Я отправила официальный запрос в Федеральную службу исполнения наказаний здесь, в Москве, и надеюсь получить все-таки ответ на поставленные вопросы, и тогда непременно расскажу об этом тоже в эфире. Но сейчас я прошу слушателей с пониманием отнестись к тому, что у нас не представлено то, что называется второй стороной.

Но чтобы было понятно, о чем, собственно, пойдет речь, давайте послушаем небольшой сюжет, который подготовил корреспондент Радио Свобода в Вятке Екатерина Лушникова.

Екатерина Лушникова: Обычным делом в исправительных учреждениях Кировской области стало применение недозволённых методов воздействия по отношению к заключённым. Особенно в этом отношении стала печально известной исправительная колония номер 6 в поселке Восточный Омутнинского района. В этой колонии отбывал наказание 29-летний житель Кирова Константин (фамилия не называется по его просьбе). Вот что он вспоминает.

Константин: Посадили в "воронок", приехали на "шестерку". Туда привезли (извините, что буду выражаться) мусора, заходят пьяные. И вот на ходу, прямо в воздухе, начали бить. Берешь сумки, бежишь – бьют, забивают, пинают. Заставляют писать заявления в СДП – секцию дисциплины и порядка. Я отказался. Связывали руки, ноги, кляп пихали. Дальше мне дали 15 суток карцера. Потом я хотел заколотить гвоздь, порезаться – заметили, еще дали 14 суток. Потом меня посадили, я вскрылся – живот, ноги. Ноги я почему стал себе вскрывать, я думал – ходить не буду, и меня бы оставили в покое. Меня не зашивали, мне скрепки ставили. У меня разошлась кожа. Скрепки делали заключённые, а не сами врачи. Потом началось самое страшное, я вошел в кому. Я под себя ходил, я не знал, как меня зовут, я не мог глотать, не мог есть и вообще. Забили меня просто. У меня было одно желание – вырваться оттуда.

Екатерина Лушникова: Не лучше обстоят дела и в других исправительных учреждениях Кировской области. Рассказывает бывший заключённый исправительной колонии общего режима номер 17 Владимир Антошин.

Владимир Антошин: Я в это не поверил, пока сам не убедился. Допустим, какое-то наказание, если какую-то провинность совершил, его вызывает зам. начальника колонии. Заходишь к нему в кабинет, он говорит: "Нагибайся". Ты должен нагнуться, он достает палку, у него такая вот деревянная палка, березовая, и этой палкой три раза тебе ударяет по заднему месту от души. Если ты ему не сказал "спасибо", он бьет до этих пор. Я когда первый раз пришел в баню, я посмотрел у них почему-то у половины, извините, заднее место черное. Думаю: что такое, неужели лавки мажутся? А потом я уже определил, что здесь палочная система, уже потом мне объяснили. Да, это действительно в наш век дико, но это все в действительности есть.

Екатерина Лушникова: К заключенным в кировских колониях относятся порой хуже, чем к рабам, считает бывший осужденный колонии номер 27 поселка Лесной, Верхнекамского района, Юрий Тимофеев.

Юрий Тимофеев: Да хуже! К рабам, наверное, лучше относятся, чем к нам. Если что-то начинаешь требовать, значит, тебя начинают сразу же прессовать, сразу же. Тебя стараются как бы или физически уничтожить, или морально. Ну, основное – изолятор, бур... Начинают туда сразу же, и там, конечно же, очень плохо. Если так дело пошло, могут прийти пьяные, избить, что хотят сделать. Комиссии приезжают, так нас и не пускают к этим комиссиям, хотя объявляют, что приехала такая-то комиссия, ты вроде идешь, и тебя туда не пускают. А как тебя туда пустят, если они знают, что ты наговоришь много лишнего? Один раз я написал жалобу – меня обложили так, что мне прямо тяжело стало сидеть. Но я успокоился, ну, как бы я решил, что я выйду на свободу и буду бороться с этим, я не оставляю это так. В зоне я просто не смог бы ничего. Я там был за колючей проволокой. Сейчас я на свободе, и я буду бороться с этим.

Екатерина Лушникова: Ситуацию с правами человека в исправительных учреждениях Кировской области комментирует правозащитник Евгений Какаулин.

Евгений Какаулин: Многочисленные жалобы осужденных, их родственников, передаваемые через освобожденных, через адвокатов, через родственников, на условия содержания в кировских колониях. Так было, допустим, с бунтом в котельнической колонии, когда несовершеннолетние воспитанники котельнической колонии были вначале избиты контролерами безнаказанно, а потом были избиты спецназом УИН, прибывшим позже, те, кто был выявлен, кто они решили, что является зачинщиками, были поставлены на всю ночь на

колени, им не позволяли оказывать медицинской помощи. И уже после освобождения против ряда из них пытаются возбуждать уголовные дела. В кировских колониях находятся лица, осужденные в связи с тем, что в прессе называется событиями на Северном Кавказе, и среди них есть даже лица, которые в свое время отбывали практически тоже незаконное содержание в Гуантанамо. Это те люди, которые при тех обстоятельствах приняли ислам, включая и этнических русских. Была жалоба в связи с тем, что контролеры ВК 26 порвали Коран. При этом иногда данная тема подается так, что действительно, когда мы говорим об осужденных, всегда есть другая сторона, а именно – жертвы каких-то преступных посягательств. Но люди, которые попадают в места лишения свободы, не приговариваются ни к истязаниям, ни к пыткам, ни к смерти.

Екатерина Лушникова: Недавно в исправительной колонии номер 6 в поселке Восточный Омутнинского района покончил жизнь самоубийством 49-летний заключенный Семен Луговской (**Луганский**). Пытались свести счеты с жизнью еще двое осужденных этой колонии. По данным правозащитников, заключенные вскрыли себе вены из-за жестоких преследований со стороны администрации. Областной прокуратурой была проведена проверка, однако уголовное дело не было возбуждено.

Марьяна Торочешникова: Виктор, скажите, пожалуйста, действительно ли все так плохо, как рассказала корреспондент Радио Свобода в Вятке? Или в этом сюжете краски были сгущены?

Виктор Дзусов: Наверное, даже намного мягче сказано. Когда только приезжаешь, там уже начинают пинать, заставляют надевать красные повязки. И рассовывают по камерам именно так, по одному человеку, чтобы не было совместной договоренности у нас, у осужденных. И к каждому по одному подходят из администрации, а также их активисты и начинают приставать, чтобы ты писал заявления в СДП, и только после этого отстают.

Марьяна Торочешникова: А какой смысл? Людям, которые не сталкивались с такой ситуацией, непонятно, какой смысл требовать от человека заявления вот в эту секцию дисциплины и порядка.

Лев Пономарев: Кстати, они отменены законом год назад.

Марьяна Торочешникова: Да. Виктор, для чего это нужно?

Виктор Дзусов: Какое-то раболепие они создают. Это как бы уже не исправительное учреждение получается, а лагерь рабов, чтобы какие-то у них были "свои" люди – вот члены этой секции.

Павел Фролов: И обращение там – это "тела". Заключение называют "телом". "Ты – тело, запомни!"

Марьяна Торочешникова: Правильно ли я понимаю, что человек, если он подписывает это заявление в секцию дисциплины и порядка, он таким образом декларирует, что готов сотрудничать с администрацией лагеря, а если не подписывает, то становится изгоем, после чего его начинают прессинговать и всячески над ним издеваться?

Павел Фролов: Да, именно так оно и есть. Когда происходит подписание этой бумаги, ты даешь им понять, что ничего против не имеешь того вероломства, которое там происходит, ты полностью со всем становишься согласен после подписания этой бумаги. В свою очередь, по приезде туда я отказывался подписывать эту бумагу не из-за каких-то воровских идеологий. Я вообще от этого всего далек. Но просто мое мужское достоинство не позволяло этого сделать. Я понимал, что после этого, если я ее подпишу, с меня будут дальше еще что-то требовать, что не прописано, в принципе, в законе. У меня есть определенные права, и определенные есть меры взыскания у нашего законодательства, но нет палки, нет унижений, нет лишения мужского достоинства. А там это сплошь и рядом.

Марьяна Торочешникова: Вот что я хочу понять. В истории, которую рассказала наш корреспондент в Вятке, были приведены фрагменты из жизни, по крайней мере, трех колоний Кировской области. Бывшие заключенные, с которыми мне доводилось общаться, тоже рассказывали какие-то похожие истории. Вы объясните мне, пожалуйста, почему именно б-я колония Кировской области, тем не менее, выбивается из ряда вон, и почему она такая страшная, Лев Александрович?

Лев Пономарев: Вы знаете, действительно надо дать, может быть, общую справку о системе лагерей. Дело в том, что у нас более 750 колоний в России, сидит там около миллиона человек. И есть целые регионы, где ситуация более-менее нормальная. Там, может быть, они получают маленькую зарплату, там плохо с медициной, но нет пыток, нет избиений. С другой стороны, у нас есть около 40-50 так называемых пыточных колоний. Это колонии, в которых людей регулярно избивают, превращают их вот в рабов безмолвных. И это системе, видимо, нужно. Потому что вот возьмите Кировский регион, там несколько тяжелых колоний, но самая страшная – ИК 6. И поэтому каждый заключенный, сидящий в Кировской области, да и не только в Кировской, он знает,

что если он будет плохо себя вести, его могут направить в ИК 6, и они так и говорят.

Марьяна Торочешникова: А, то есть это "пугало" для заключенных.

Лев Пономарев: Это не просто "пугало", это концлагерь! И то, что мы успели сказать, это только поверхность. Там, например, насилуют заключенных. Об этом редко кто вслух говорит.

Марьяна Торочешникова: Насилуют заключенных сотрудники администрации колонии, охрана, надсмотрщики?

Лев Пономарев: Павел расскажет более подробно. Смотрите, общая картина. Краснодарский край – не пытаются. И вы знаете, что интересно, происходит слом системы. Вот произошло какое-то событие, правозащитники едут туда, у нас там очень сильные правозащитные организации, нормальное, вменяемое руководство ГУФСИН, и каждый случай сразу купируется и становится известным. И там работает прокуратура, и таким образом эта зараза не распространяется дальше. А вот в Кировской области ситуация чудовищная. В Красноярском крае есть минусинская тюрьма, она примерно такой же статус имеет, как ИК 6. И это вот как раковая опухоль: пока существуют такие пыточные колонии, значит, система большая, и она может в любой момент распространить свои метастазы по другим регионам. Например, в Челябинске, в городе Копейске, были события, там убили 4 человека, и там наказали, сейчас идет расследование, взяли под стражу. Там зам. руководителя ГУФСИН Челябинской области был переведен в другой регион, в Брянский, и там он начал наводить те же порядки. То есть эти метастазы существуют, и борьба идет уже внутри системы.

Марьяна Торочешникова: Павел, правильно ли я поняла, что 6-я колония – это не первое исправительное учреждение, в котором вам пришлось оказаться?

Павел Фролов: Да.

Марьяна Торочешникова: Если сравнивать кировскую "шестерку" и другие исправительные учреждения, что вы можете сказать?

Павел Фролов: Кировская область – это вообще что-то, чего, я думал, не может происходить вообще в 21 веке, а тем более что я сам с этим столкнулся. Возьмем 6-ю колонию. Для того чтобы туда попасть, надо как-то себя проявить, а именно – достаточно написать жалобу, допустим, по условиям содержания. Меня привезли в 20-ю колонию, это больница областная, и там условия содержания отвратительные: грязь, крысы, безразличное отношение к людям, заключенных привозят туда умирать. Я пожаловался. Опять же не из-за себя, а я

пожаловался из-за того, что я увидел, что ребят туда везут умирать. Допустим, видят, что человек умирает, и его везут туда, и там не лечат. Положили и забыли, человек тухнет, умирает. Потом его закопали и отписались. Ну, и так и написал я 3-4 жалобы.

Марьяна Торочешникова: Что, самый умный что ли?

Павел Фролов: Не то, что умный...

Марьяна Торочешникова: Ну, сказали и отправили в "шестерку". Не так было?

Павел Фролов: Не сразу. Сначала они мне составили базу – нужны же какие-то нарушения. Первое, меня посадили за форму одежды, нашли, что пуговица у меня не застегнута. Потом – нецензурная брань. В общем, из меня сделали злостного нарушителя в 20-ой колонии я стал, можно сказать, персона нон-грата. И в конце мне дали ЕПКТ – единое помещение камерного типа, это находится только на "шестерке", это место. Привезли туда. И что я там увидел... у меня просто сейчас слов нет. Я просто вспоминаю это все и не знаю, с чего начать даже.

Марьяна Торочешникова: Давайте попросим Виктора рассказать.

Павел Фролов: Виктор был в самой колонии. И давайте проведем такую параллель. Я, будем считать, "проходимец", злостный нарушитель. А Виктор – простой обыватель, который приехал по приговору суда в колонию. Меня привезли туда как нарушителя – и как ко мне относились, и давайте узнаем, как вот его привезли, человека, который просто там сидел.

Марьяна Торочешникова: Собственно, это я и хочу узнать у Виктора. Скажите, а проверки какие-то приезжали?

Виктор Дзусов: В принципе, я так же приехал туда как нарушитель. Я был в туберкулезной больнице, и меня там быстро за нарушения сняли со 2-ой группы, поставили 3-ю и увезли на ИК 6. Я туда прибыл 3 февраля 2009 года, 5 февраля я уже лежал в санчасти и опухшим левым яичком и большой температурой – так они, так сказать, принимали нас.

Марьяна Торочешникова: Виктор, а проверки были все-таки?

Виктор Дзусов: Приезжали проверки, и во время проверок они прятали всех "активистов", у них вроде как везде администрация работает, активисты нигде не работают.

Марьяна Торочешникова: А была возможность реально пожаловаться?

Виктор Дзусов: Даже был такой случай при мне лично, что старый человек, он подошел и спрашивает: "А кто это такой приехал?" – "Прокурор". – "А можно я ему задам вопрос?" – "Нет, нельзя". И все, и прошел дальше. Последний раз была проверка, приезжал

представитель по правам человека - Базунов, это было в августе этого года, в начале августа. К нему приходило очень много людей. После его отъезда все, кто приходили к нему жаловаться, попали под пресс, их начали прессовать. Кого перевели в ШИЗО, кого в другие отряды, и, в общем-то, пошло все там. В общем, показывают, что жалуйся, что не жалуйся, все равно здесь будем решать все мы.

Марьяна Торочешникова: Валентин, насколько я понимаю, вы специально сейчас занимаетесь изучением ситуации в колониях Кировской области, в частности в 6-ой колонии. Правильно ли я понимаю, что там, в настоящее время сложилась такая ситуация, что куда-либо жаловаться, в принципе, себе же дороже?

Валентин Богдан: Вы абсолютно правы, чем меньше человек говорит, чем меньше возмущается, тем якобы ему будет проще. В отношении проверок я бы хотел заострить внимание. У нас есть сведения, когда сотрудники прокуратуры, надзирающие за состоянием колоний, в открытую сообщают о своем отношении к данным жалобам. В частности, один заключенный мне сказал, что он обратился к прокурору, сообщил ему всю информацию, и прокурор вышел из камеры и громко сказал начальнику колонии: "Видно, вы его мало бьете, если он продолжает жаловаться на вас". И вот такая позиция существует, именно вот эта преступная связь между прокуратурой и сотрудниками УФСИН кировских учреждений прослеживается. Порой бывает так, что заключенных избивают в присутствии прокуроров.

Павел Фролов: Не порой бывает, а я вам расскажу случай из моей жизни, что со мной происходило именно в 6-ой колонии. Местный прокурор Омутнинского района делал обход, и перед этим активист, заведующий хозяйством при ЕПКТ, такой же зек, как и все остальные, но с определенными прерогативами, которые другим не даются, говорит: "Кто-нибудь что-нибудь скажет, прокурор уйдет – вы свое получите". Ну, я, как парень отчаянный, не столкнувшийся еще, думаю: пускай будет мне хуже, но я скажу. И вот этому прокурору я сказал, когда он спросил: "Вопросы есть?" – я ему говорю: "Любезный, неужели вы не знаете, какие здесь вопросы? Да куча вопросов!" И я все ему начал говорить. Он говорит: "Сначала скажи свою фамилию". Я сказал. И в конце он смотрит на меня, а обращается к начальнику колонии Шаранову и говорит ему: "Что-то я смотрю, плохо вы работаете с этим Фроловым". И после этого со мной "поработали". И после этого я еще пять месяцев просидел, у меня больше не было желания задавать вопросы прокурору.

Лев Пономарев: А как работали конкретно?

Павел Фролов: С пристрастием!

Марьяна Торочешникова: К нам присоединился по телефону Игорь Нагавкин, партнер движения "За права человека" в Волгоградской области.

И к нам дозвонилась Марина Николаевна. Здравствуйте!

Слушатель: Здравствуйте! Конечно, ничего нового нет, слухами, как говорится, земля полнится, но с ужасом случается об искореженных судьбах людей. И у меня такой вопрос возникает: вот вы мне найдите хоть одно место - тюрьма, армии, медицина, милиция, - где управляют честные, порядочные люди. Назовите мне это место, и я буду туда посылать своих внуков. А пока у нас в ФСБ больше конкурс, чем в университеты, у нас будет только такая власть!

Марьяна Торочешникова: Спасибо за ваш комментарий! А у меня вот какой вопрос. Смотрите, колонии называют ведь исправительными учреждениями. С вашей точки зрения, при таких обстоятельствах, которые складываются в колониях, люди ведь должны исправляться, чтобы у них никогда больше не возникало желание в принципе совершить что-то такое, за что можно оказаться там. Или нет? Может, и правильно все делают?

Павел Фролов: Если бы была исправительная политика в колонии, люди бы исправлялись. Но так как она карательная в ИК 6 и вообще по Кировской области, ИК 20, где я был, ИК 9, где был знаменитый такой Бибикич, на которого сейчас заведено уголовное дело.

Марьяна Торочешникова: А кто такой Бибикич?

Павел Фролов: Это страшный человек! Заместитель по БиОРу, безопасности оперативной работы при колонии. На него было заведено уголовное дело, он работал в 9-ой колонии поселка Сорда, и получилось так, что его сняли с должности, занимаемой в той колонии, и перевели в "шестерку" в том же звании, в котором он находился, и он так же зверствует, как и в той колонии. Его как бы убрали из того эпицентра, где на него жаловались, и посадили на другое место, где он сплелся опять своими хвостами с такими же проходимцами, как и он, а именно: Шаранов, Змеев, Коновалов и вот этот Бибикич.

Марьяна Торочешникова: Я сразу от себя добавлю, что "проходимцы" – это не оценочное суждение, а ваше личное мнение.

Валентин Богдан: Я хотел поправить, по моим последним сведениям, Бибикич находится в 27-ой колонии. Дело в том, что он пришел с той же самой позицией своей – мстить за то, что к нему применили

репрессивные меры, что возбудили уголовное дело за его жестокость. Как мы говорим, страна должна знать своих антигероев. И я лично придерживаюсь такой позиции, потому что я слышу о Бибике, о его жестокости, о его таких поступках не от одного осужденного. Это уже имя нарицательное.

Лев Пономарев: Вот здесь нам говорили, что бывают проверки в ИК 6, и это огромная проблема. И вот я добился проверки от уполномоченного по правам человека, туда ездил Базунов Валерий Владимирович. И более того, часть заключенных написали ему жалобы, он отправил эти жалобы в Следственный комитет Кировской области. И пришли ответы, что они проверили, поговорили с этими заключенными, и заключенные сказали: "Мы написали, потому что он очень просил нас эти жалобы написать, но вообще, конечно, мы не жалуемся". Это Следственный комитет отвечает уполномоченному по правам человека. Понимаете, какая наглость!

Павел Фролов: У нас есть информация, что после приезда Базунова была проведена работа с теми людьми, которые написали эти жалобы. С ними была проведена работа, и в концовке они написали встречные бумаги о том, что они оговорили администрацию.

Лев Пономарев: И получается, что такая черная дыра. Если в каких-то других колониях мы делаем проверки, и прокуратура сотрудничает с нами, мы выявляем этих негодяев, снимаем, под суд отдаем, здесь мы никак не можем вскрыть. Это такой крепкий орешек! Конечно, мы это сделаем, но для этого нужно больше усилий.

Марьяна Торочешникова: И привлекать внимание общественности в том числе. До нас дозвонился Игорь Антонович из Анапы. Пожалуйста, вы в эфире.

Слушатель: Здравствуйте! Наверное, в неудачной тюрьме сидел человек, но "удачные" не намного отличаются от сказанного.

Марьяна Торочешникова: А у вас был опыт?

Слушатель: Конечно.

Марьяна Торочешникова: А вы на что могли бы обратить внимание?

Слушатель: По меньшей мере, никто не собирается никого перевоспитывать, и изначально даже цели такой не ставится.

Марьяна Торочешникова: То есть фактически создаются места для изоляции. И если вменяемая администрация колонии, то люди, по крайней мере, выйдут оттуда живыми и здоровыми.

Слушатель: Это зависит не от администрации, а от блатных.

Марьяна Торочешникова: Игорь Антонович, спасибо за комментарий. Про блатных я спрошу, потому что среди обывателей существует расхожее мнение, что есть "красные колонии", есть воровские колонии, и в одних колониях людям сидеть значительно легче, чем в других. Вот Антон, бывший заключенный, из Перми дозвонился на Радио Свобода. Пожалуйста, Антон.

Слушатель: Здравствуйте! Я хотел вам сказать, кстати, и про блатных, и про "красные зоны", и про "черные" могу рассказать. Я сам из Перми, и около года назад освободился. Сидел на так называемой "черной колонии", где вопросы решают в основном блатные, и между собой, и с администрацией.

Марьяна Торочешникова: У вас были такие ситуации там, о которых рассказывали Павел Фролов, Виктор Дзусов?

Слушатель: В Пермском крае есть колония "Белый лебедь", и особо "отличившихся" отправляют туда, так сказать, на профилактику.

Марьяна Торочешникова: А в той колонии, в которой вы были, применялись пытки надзирателями, избивали людей?

Слушатель: Там администрация такая была, у меня такое мнение сложилось, в принципе, то же самое. Но не надо их провоцировать. Вот в той колонии, в которой я сидел, было так. Я вам скажу, они там делают деньги. УДО у человека подходит, вызывает тебя начальник отряда и намекает или просто в открытую говорит, что ему надо.

Марьяна Торочешникова: А сколько стоит УДО в той колонии, в которой вы сидели?

Слушатель: Они смотрят, все у них на контроле: кто ко мне приезжает, как часто, что мне привозят. В среднем за полгода до УДО меня вызывают и говорят: "Тебе надо заработать минимум три поощрения, чтобы спокойно уйти по УДО. Одно поощрение стоит около 200 долларов". Но не говорит, что "завези мне наличку". Надо купить краску, надо купить то-то, то-то – и все.

Марьяна Торочешникова: Спасибо, Антон, за ваш комментарий. Меня посетила мысль о том, что Михаил Борисович Ходорковский недостаточно денег давал или не хотел давать, раз его по УДО не отпустили.

Лев Пономарев: Вот по поводу "черных колоний" я хочу сказать. Понимаете, руководство ФСИН и вообще тюремщики, они эксплуатируют эту тему. Заключенные тоже граждане, и они тоже имеют право иметь свое мнение, коллективное мнение. И когда заключенные высказывают коллективное мнение, они говорят: это блатные

договорились, это "черная зона", а мы не можем идти на поводу у блатных. Это неправильно, это тоже граждане России. Но осужденные имеют право объединяться, и это никакая не "черная". Вообще, от этой терминологии надо отходить. Это нормальный разговор руководства колонии с гражданами, которые там сидят, хотя у них и ограничено право передвижения.

Марьяна Торочешникова: Мы подключили Игоря Нагавкина к нашему разговору. Игорь, в Волгограде ситуация в исправительных учреждениях лучше или хуже, чем в среднем по России?

Игорь Нагавкин: До 2009 года в Волгоградской области была ситуация, аналогичная, что и в ИК 6 Кировской области, здесь точно так же насиловали, пытали. У нас достаточно сведений, когда людей привязывали к кушеткам, в ЛИУ 15, в больнице, все происходило, делали укол обезболивающий и потом, когда человек уходил от этого укола, он был растянут. И там были даже случаи, когда люди умирали на этих кушетках. Здесь точно так же пытали людей. И в 2009 году здесь сменился начальник управления, и потихонечку здесь как бы все восстановилось. Я не могу сказать, что здесь на 100 процентов всех так хорошо. В плане бытовых условий точно так же они хромают, но, по крайней мере, сейчас здесь осужденных не пытаются. Да, бывают исключения, осталось еще несколько негодяев – начальников учреждений, которые еще со старых времен продолжают издеваться над осужденными. Вот Козлов, начальник ИК 26 у нас, я вам приведу такой факт. Когда он открывал изолятор, в изоляторе сидит 8 человек, он высыпает туда пачку хлорки и выливает ведро воды на ночь. Или взять, допустим, ИК 6 – почему там никто не может исправить. Я разговаривал с Коноваловым Александром Николаевичем, заместителем по безопасности и оперативной работе. Это как раз непосредственно тот человек, который занимается руководством над осужденными.

Павел Фролов: Да, занимается проведением всех этих экзекуций.

Марьяна Торочешникова: С вашей точки зрения.

Павел Фролов: С моей, да.

Игорь Нагавкин: Потом я разговаривал с сотрудником, который курирует ИК 6, и что один, что другой мне заявляли так: любое вмешательство правозащитников они расценивают именно как свержение режима в этом учреждении.

Марьяна Торочешникова: В общем, приезжаете и наводите смуту там.

Игорь Нагавкин: Нет, мы пытаемся в этой колонии воровские традиции внедрить. Потому что вот есть у нас УИК, и мы пытаемся сделать так, чтобы согласно УИК они жили. Наше государство не может обеспечить исполнение УИК! А для того чтобы зек не мог возмущаться, его бьют, насилуют и все остальное делают.

Марьяна Торочешникова: УИК – это, я для слушателей поясню, Уголовно-исполнительный кодекс. Виктор из Перми дозвонился на Радио Свобода. Пожалуйста, говорите.

Слушатель: Здравствуйте! Хотелось бы спросить, вот эти сотрудники администрации, про которых вы рассказываете, на каких машинах они ездят, что они имеют? Второе, как они относятся к так называемым "авторитетам"? И третье, в курсе ли этого всего Никита Юрьевич Белых?

Марьяна Торочешникова: По поводу машин я отвечу и по поводу их отношений с блатными, что у нас, к сожалению, нет сегодня никого из представителей администрации кировских колоний, поэтому вряд ли кто-то из гостей сможет рассказать о том, как они относятся к так называемым "блатным". Но вот по поводу Белых, Лев Александрович, насколько мне известно, вы обращались к нему...

Лев Пономарев: Нет, я пока к нему не обращался, и объясню почему. Потому что, на самом деле, это не находится в его ведении. Конечно, в какой-то момент я обязательно соберу все эти факты и к нему обращусь, и надо, чтобы он это все знал. Но надо собрать больше фактов, чтобы он уже поставил перед федеральными руководством этот вопрос. Он не контролирует это, понимаете, он бессилён.

Марьяна Торочешникова: Может быть, он не контролирует, но существует же в Кировской области общественная палата, существует, наверное, уполномоченный по правам человека.

Лев Пономарев: Базунов ходил вместе, насколько я знаю, с уполномоченным по правам человека Кировской области, недавно назначенным. И вот вам реакция. Ведь они официально Лукину написали вот такую наглую бумагу от Следственного комитета! Я предполагаю, что там все повязано, они покрывают все эти преступления. И конечно, к Никите Белых я обязательно обращусь, но собрав более достоверные факты.

Марьяна Торочешникова: Мне хочется понять, для чего людей прессовать вообще? Можно понять, хотя это и дико звучит, зачем человека бьют в следственном изоляторе, до того, как было вынесен приговор суда, - ну, для того чтобы он признался, чтобы сотрудничал со следствием, следователю как-то легче работалось. Для чего человека

прессовать после того, как уже вынесен приговор? Ну, все, его посадили уже, он сидит. Зачем его бить, зачем над ним издеваться? Цель-то какова?

Павел Фролов: Я вам скажу по моему горькому опыту. Тамбовская область Рассказовский район поселок Зеленый ИК 3 - колония экспериментальная. Там был большой и малый карантин. По приезде в эту колонию там происходило вот что. В карантине если видели, что человек, допустим, платежеспособный, по нему сразу это видно, там соответственно встречают – бьют и тому подобное, а потом идет вымогательство. Хочешь, чтобы все это прекратилось, вот тебе телефон... И кто это все делает? Это делают активисты – точно такие же зеки, как и он, но только имеющие поблажки со стороны администрации. И так они выбивают из осужденного деньги. Соответственно, это деньги делились между отделом безопасности, это же не просто зеки в одно лицо съедали. Вот я просидел там год. Сейчас это хорошая колония, там есть режим определенный, но там нет всего того, что происходило. И сейчас, то же самое происходит в Кировской области.

Марьяна Торочешникова: То есть, правильно ли я понимаю, что ваша версия такая: людей начинают в колониях прессовать, чтобы вымогать деньги?

Павел Фролов: Да, людей доводят до такой ситуации, что они просто рады бы, чтобы их оставили в покое. А покой – это что? Допустим, какая-либо должность: завхоз столовой, бригадир промзоны, библиотекарь, повар и так далее. И это все стоит денег, не просто так это тебе отдастся.

Марьяна Торочешникова: Виктор, с вашей точки зрения, для чего людей прессуют в колониях?

Виктор Дзусов: В основном да, чтобы вымогать деньги. Я бы хотел заострить внимание на лечении. Начальник санчасти там держится уже 12 лет! Там у них даже график есть, больше нее никто там не продержался.

Марьяна Торочешникова: В 6-ой колонии?

Виктор Дзусов: В 6-ой колонии, да, это Булдакова.

Марьяна Торочешникова: Претензии к лечению у вас есть?

Виктор Дзусов: Претензии, конечно, к лечению! Люди умирают. При мне, 15 августа, когда я нахожусь в санчасти, человек умирает часов в 5-6 вечера, и ему не оказывается помощь. Его привезли из ЕПКТ,

вскрытого, он вскрыл себе руки, ноги, кричал, и его унесли в рентген-кабинет, и там он умер, и врача он и не увидел. Что это?

Лев Пономарев: Это вот конкретный случай! Это Семен Луганский. После того, как Базунов был вместе с уполномоченным, там были, по нашим сведениям, три человека, с которыми Базунов встречался, они вскрылись – вены порезали. Но почему они вскрылись? Им угрожали дополнительно, скорее всего, насилием. Зеки вскрываются от безысходности, чтобы не произошло насилие над ними, конкретно сексуальное насилие. Они вскрыли себе вены, и его бросили умирать. Это страшная история! Мы ее сейчас расследуем.

Марьяна Торочешникова: А Следственный комитет расследует что-нибудь, прокуратура там?

Лев Пономарев: Лукин обратился по этому факту, по факту смерти Луганского в прокуратуру.

Марьяна Торочешникова: И что прокуратура?

Валентин Богдан: Собственно говоря, они дают официальный ответ, что он сам виноват. Он вскрылся и...

Марьяна Торочешникова: Понятно, сам дурак.

Павел Фролов: А причина того, что он сделал...

Марьяна Торочешникова: Вообще, статья "Доведение до самоубийства" не работает в России в принципе?

Лев Пономарев: Нет, здесь другое. Вот Виктор обратил внимание на то, что врачи не оказали его помощь. Он несколько часов лежал, врач обязан был ему зашить эти вены и оказать помощь, но он не оказал. Его точно можно было спасти! Вот на что надо обратить внимание.

Павел Фролов: Если так сказать, то, в принципе, мне по приезду это все предоставили, видит бог. Мне это предоставили, у меня никто это не отнимал – гвозди, бритвы. Нужна удавка – принесем удавку. Это все никуда не скрывают, и они не боятся этого. И тем самым они тебе показывают свое хладнокровие, что ты делай что хочешь, нам без разницы, хоть шею себе скрой, никого этим здесь не напугаешь.

Марьяна Торочешникова: Эльвира из Петербурга дозвонилась на Радио Свобода.

Слушатель: Здравствуйте! Я никогда не касалась этой больной темы. Как вы говорите, прессуют людей, ломают людей морально и физически. А кто дает на это право? Это потому, что там работают садисты! А что вы хотите, откуда все это идет? Если у нас Путин рекомендует милиции "оприходовать по башке дубинами", и высказывает это с таким холодным лицом, это же как надо ненавидеть

собственный народ, чтобы вот так унижать и лишать человеческого достоинства, ломать людей. Вот прокурор, который должен стоять на защите закона, смотрит в глаза и говорит: "Плохо отработали Фролова". И вот я все думаю о Ходорковском и Лебедеве. Ведь полтора года идет уже суд по второму делу, так в обвинениях нет не только юриспруденции, нет даже зачатков человеческого разума!

Марьяна Торочешникова: Я понимаю, что у нас разговор сегодня совершенно неисчерпаемый. Но наша передача заканчивается. Игорь Антонович, который нам уже дозванивался, очень просит что-то сказать. Пожалуйста.

Слушатель: Да, я хотел сказать, что вся эта система – это бизнес. Он похож на бизнес на воле, но очень извращенный.

Марьяна Торочешникова: Вот это было оценочное суждение, и эта мысль тоже звучала сегодня в ходе программы. Я думаю, что мы вернемся все-таки к этой теме. Я сейчас дождусь ответа из Федеральной службы исполнения наказаний, их реакции на то, что происходит. Надеюсь, что правозащитники в Кировской области, может быть, и губернатор Кировской области, и Общественная палата Кировской области обратят внимание на то, что происходит в колониях, понаедут, что называется, в колонию номер 6, и желательно без предупреждения, и ситуация как-то изменится. Слушательница Лора пишет: "У нас масса книг, как выжить на Северном Полюсе, в пустыне, Советую вам написать книгу "Как выжить в российской тюрьме"..." Здесь, наверное, больше горькой иронии. Очень много тем мы не отразили сегодня, но я обещаю, что мы непременно вернемся к этому разговору.

На волнах Радио Свобода прозвучала передача "Человек имеет право". Со мной в студии сегодня были соучредитель Фонда "В защиту прав заключенных" Лев Пономарев, сотрудник это фонда Валентин Богдан, бывший заключенный исправительной колонии номер 6 Павел Фролов, на телефонной связи были еще один бывший заключенный этой колонии Виктор Дзусов и партнер движения "За права человека" в Волгоградской области Игорь Нагавкин.